

УДК 94(470.5)''1932/1933'':34(045)

М.Н. Потёмкина, В.В. Филатов

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА «ОБ ОХРАНЕ ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, КОЛХОЗОВ И КООПЕРАЦИЙ И УКРЕПЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ) СОБСТВЕННОСТИ» В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1932–1933 ГОДАХ

В статье анализируется реализация в Уральском регионе постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности. Выявлены результаты репрессивной политики власти в отношении крестьянства, вынужденного в неурожайные годы и перехода к коллективным формам хозяйствования нарушать закон ради выживания. Раскрыты методы деятельности правоохранительных органов по выполнению противоречивых решений Центра, когда, с одной стороны, осуждались деятельность судов по вынесению мягких приговоров и репрессии за незначительные хищения, а, с другой стороны, требовалось увеличение приговоров с высшей мерой наказания. Регулярные пересмотры дел и их переквалификация свидетельствовали о некачественной деятельности правоохранительных структур в связи с постоянным давлением вышестоящих органов власти. Репрессии в первую очередь были направлены против врагов Советской власти: так называемых кулаков и других социально враждебных элементов. В то же время большую часть репрессированных составили колхозники и единоличники.

Ключевые слова: история сталинизма, общественная собственность, Уральский регион, суд, колхозники, сельское хозяйство, репрессии.

Актуальность исследования правоприменительной практики по закону ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» обусловлена необходимостью изучения данной проблемы на региональном материале. Принятие этого закона и его реализация вызывали и вызывают неоднозначные оценки в обществе. Нужны ли были столь жестокие карательные меры к расхитителям общественной собственности, имелись ли альтернативные пути её сохранения? Поэтому необходимо снова вернуться к этой теме, чтобы определить ход реализации данного постановления в начальный период. Репрезентативность исследования темы обеспечивается территориальными рамками. Уральский регион до 1934 г. включал громадную Уральскую область с сопредельными территориями Башкирии, Удмуртской автономной области и Оренбуржья в границах Средневожского края.

Учёные, изучающие советскую историю 1930-х гг., не могут пройти мимо вопросов осуществления этого закона, особенно в сельской местности. Наиболее значимая научная публикация о данном законе, на наш взгляд, статья И. Е. Зеленина, который, со свойственной ему объективностью, постарался раскрыть негативные моменты принятия и реализации этого важного законодательного акта [7, с. 114–124]. Заслуживает внимания и кандидатская диссертация А. В. Матиса. Созданная им база данных по составу лиц, привлечённых к ответственности, анализ работы следственных и судебных органов существенно расширяют знание о процессах, происходивших в Уральском регионе по правоприменению этого постановления [14]. Оценки действия данного закона можно найти в научных трудах и других исследователей.

Как отмечал И. Е. Зеленин, подготовка закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. проходила вне Наркомата юстиции, ЦИК и правительства [7, с. 116]. По этому закону, общественная собственность являлась неприкосновенной. Её расхитители становились врагами народа. Они приговаривались к высшей мере социальной защиты или к 10 годам заключения с конфискацией имущества без права на амнистию [16].

С учётом статистической отчётности органов юстиции перед центральными партийно-советскими структурами материалы исследования условно распределены на три периода: 1) 7 августа 1932 — 1 января 1933 г.; 2) 1 января — 1 июля 1933 г.; 3) 1 июля 1933 — 1 января 1934 г. Из документов того времени особого внимания заслуживает докладная записка председателя Верховного суда СССР А. Н. Винокурова Президиуму ВЦИК «О работе судов РСФСР по охране социалистической собственности в соответствии с законом от 7 августа 1932 г.». В записке анализируется судебная практика по реализации закона в течение года со дня его принятия. К сожалению, в этом источнике

не удалось отразить полностью деятельность Верховного суда РСФСР по пересмотру дел. При анализе отдельных данных по Уралу выявлены неточности [11, с. 133–147].

Учитывая важность закона, на первом этапе к методике его проведения в жизнь подключилась высшая партийная инстанция. 12 сентября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило инструкцию по применению закона об охране общественной собственности [20, с. 61–62]. После утверждения в Политбюро инструкция с некоторыми дополнениями 16 сентября вышла под грифом Верховного суда СССР и ОГПУ. По инструкции расстрел предусматривался за участие антисоветских организаций и группировок в уничтожении и хищении общенародной собственности в колхозах, совхозах и иных организациях и учреждениях. Это касалось, прежде всего, кулаков и других (по терминологии того времени) социально чуждых элементов. Высшую меру могли получить также руководители колхозов. При смягчающих обстоятельствах допускалось наказание в виде лишения свободы на 10 лет. Постоянные представительства (ПП) ОГПУ осуществляли суд над участниками массовых выступлений, террористами и иными преступниками, совершившими хищения и уничтожение общественной собственности. Особенностью данного юридического документа являлось то, что он имел обратную силу.

Сельские общественные суды теперь освобождались от разбора дел о хищениях колхозного имущества. Они рассматривали лишь преступления, связанные с личной собственностью членов колхозов и единоличников. Органы следствия обязали проводить следственные действия в кратчайшие сроки в течение 15 дней и, в виде исключения, 30 суток [24. Ф. 4. Оп. 10. Д. 222. Л. 98–98об.; 8, с. 477–479]. Принятый закон станет предтечей репрессивных мер в годы «большого террора». Жестокость наказаний, ограниченные сроки рассмотрения дел, участие внесудебных органов — всё это продолжалось и в 1937–1938 гг. Активное применение данного закона прослеживается по ряду правовых актов того времени. Так, постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О подготовке рабочего скота и весеннему севу» (февраль 1933 г.) за хищение и разбазаривание кормовых фондов в колхозах и совхозах виновные привлекались к уголовной ответственности, основываясь на законе об охране общественной собственности [19, с. 581].

В ходе реализации закона от 7 августа 1932 г. высшие юридические структуры вносили изменения и дополнения. Так, председатель Верховного суда СССР разъяснял в сентябре 1932 г., что окончательной инстанцией по приговорам с расстрелом по закону от 7 августа 1932 г., являются Верховные суды и направление приговоров в уголовно-кассационную коллегия (УКК) союзной республики по поводу амнистии не допускается, поскольку это вело к задержке и снижению эффективности самих приговоров [21, с. 496].

С первых дней действия этого постановления ЦИК и правительства началась идеологическая обработка населения. Главное внимание обращалось на кулаков. Газета «Правда» призывала беспощадно расправиться с врагами народа, которые ночью крадут колхозный хлеб. После уборки на трудодень выдается меньше хлеба, ибо кулак часть своровал. В статье звучал вопрос: «Может ли быть для кулака и подкулачника — вора общественной собственности — пощада?» [15]. Поэтому именно кулакам выносились самые суровые приговоры.

К началу 1933 г. за хищения общественной собственности в стране привлекли к судебной ответственности 96,6 тыс. чел. Органы ОГПУ осудили 10,3 тыс. чел., в том числе к высшей мере — 908 чел. [17, с. 262]. В докладной записке председателя Верховного Суда СССР сообщалось, что на первом этапе действия закона (7 августа 1932 — 1 января 1933 г.) суды столкнулись с проблемой, насколько жёстко его следовало применять. Не всегда суды ориентировались на выполнение указаний вышестоящих властных структур. Это привело к тому, что часто применялась ст. 51 УК РСФСР, позволявшая понижать наказание. Из 76961 осуждённых в РСФСР по данному закону за это время приговорили к расстрелу 3,5 %, к 10 годам лишения свободы — 60,3 % и прочим мерам наказания — 36,2 %. Последний показатель связывали именно с невыполнением инструкций и директив. Решение о применении ст. 51 теперь должны были принимать областные и краевые суды [11, с. 135].

В деятельности судебно-следственных органов и прокуратуры во время проверки органы ЦКК-РКИ выявили крупные нарушения этого закона. Часто закон применялся к мелким, бытовым кражам [10, с. 278]. В одних регионах суды снижали наказания, а в других — увеличивали за малозначительные кражи. Всё это свидетельствовало о непоследовательности в правоприменении на местах. Судьи порой находились в замешательстве, какие наказания устанавливать для нарушителей.

Как показало правоприменение по данному закону, большая часть преступлений в течение первых пяти месяцев его действия происходила в колхозах. 54,4 % приговорённых к расстрелу, 70,2 %

лишённых свободы на 10 лет совершили преступление в колхозах. По социальному составу в первый период к высшей мере чаще приговаривались кулаки (32,7 %) и должностные лица (18,6 %), затем — середняки (10,4 %), колхозники (6,5 %), зажиточные крестьяне (5,9 %), бедняки (3,7 %). Среди осуждённых на 10 лет заключения колхозники составляли 29,3 %, середняки — 22,5 %, бедняки — 7,5 %, должностные лица — 7,1 %, кулаки — 6,1 % [11, с. 139, 141]. Поскольку самые суровые наказания предусматривались для кулаков, то их чаще приговаривали к смертной казни, а большая часть крестьян оказывались в числе осуждённых на десятилетний срок.

К ноябрю 1932 г. по закону от 7 августа 1932 г. в Удмуртии было рассмотрено 59 дел и осуждено 134 чел., в том числе 12 — к расстрелу, 72 — к лишению свободы на 5–10 лет, 29 — на 3–5 лет, 21 — до трёх лет и у 22 чел. было конфисковано имущество [25. Ф. 357. Оп. 1. Д. 296. Л. 85]. С 7 августа 1932 г. по 1 января 1933 г. в Башкирии по этому закону осудили 1109 чел., из них 15 чел. (1,4 %) приговорили к высшей мере, 489 (44,1 %) — к 10-летнему сроку заключения, Башкирские сведения об удельном весе приговорённых к расстрелу были одними из самых низких, а об осуждённых к меньшим срокам — одними из высоких среди других регионов РСФСР. В Уральской области наблюдалась противоположная ситуация. В числе 1932 репрессированных до 1933 г. оказался приговорённым к расстрелу 71 чел. (3,7 %), к 10 годам заключения — 1667 (86,2 %). Последние данные были самыми большими, а доля осуждённых к прочим срокам наиболее низкой в РСФСР [11, с. 142–143]. Это говорило о более жестоких репрессиях в Уральской области. Когда в Троицком, Магнитогорском, Варненском районах суды и прокуратура пытались перекалificarовать преступления на ст. 162 УК (тайное похищение чужого имущества), то бюро Уральского обкома ВКП(б) (ноябрь 1932 г.) указало на недопустимость таких либеральных приговоров [6, с. 54].

В Уральской области активнее подключали добровольных помощников правоохранительных органов по осуществлению этого закона. Юргамышская прокуратура на страницах журнала «Советская юстиция» делилась опытом работы по выполнению закона от 7 августа 1932 г. группами содействия прокуратуре. По инициативе групп содействия было возбуждено 14 дел о краже, в общей сложности, 283 кг ржи, 169 снопов, 32 кг картофеля и 7 кг подсолнуха [18, с. 10].

О том, за какие правонарушения люди осуждались по этому закону, свидетельствовали следующие факты. Васильев из д. Хохлы Шумихинского района попался с ведром колосков. В деле имелась информация, что в этом колхозе за время уборочной потеряли от срезания колосков 150 пудов хлеба. Васильева приговорили к расстрелу. Затем приговор заменили исправительным лагерем, так как не оказалось акта конфискации, и к тому же он был раньше красноармейцем. В колхозе «Коммунар» Исетского района две женщины на току набрали 10 фунтов пшеницы. Хотя они говорили на суде, что набрали мякины, всё же получили по 10 лет. У одной из них конфисковали дом, амбар, конюшню, стайку и корову — всего на 530 руб., остальное имущество передали в колхоз. У второй обвинённой конфисковали имущество на 460 руб.

В деревнях появились постановления, категорически запрещавшие кому бы то ни было появляться на колхозных полях, если они не были задействованы в производственном процессе. Иначе обыск и арест ожидали тех, кто покусился на народное достояние. Повсеместно сооружались вышки для охраны урожая. В Лебяжьеvском районе возвели 68 вышек и организовали пионерские дозоры [2, с. 76, 78]. Немало селян пострадало из-за ошибок следствия. В Барышниковском районе Удмуртии одного из колхозников обвинили в краже 0,5 ц овса, который, как выяснилось позже, ему выдала МТС [25. Ф. 635. Оп. 2. Д. 131. Л. 24].

А. Е. Коньшин считает, что «аномалией колхозной деревни являлось воровство. Традиционный крестьянский менталитет не позволял брать то, что ему не принадлежит... Если крестьянин никогда не крал у соседа, то в колхозе он мог воровать не стыдясь, даже зная о законе, предусматривавшем за хищения 10 лет лишения свободы или расстрел с конфискацией имущества. В основе раздвоения морали лежало насилие государства при коллективизации. Людей насильно вовлекали в колхозы, отобрав имущество. Для восстановления справедливости крестьяне считали возможным брать у колхоза добро по частям» [12, с. 40]. Особенно трудно крестьянам было в голодные годы. Именно в это время и стал действовать новый репрессивный закон.

Продовольственный кризис вынуждал крестьян идти на преступление. По подсчетам В. В. Филатова, в 1931 г. в Уральской области урожайность зерновых составила всего 2,7 ц с га, в следующем году — 5,9 ц с га, в Башкирии — 4 и 5,9 ц с га соответственно. Лишь в 1933 г. намечился небольшой рост урожайности: в Уральской области — 7,1 ц с га и в Башкирии — 8,1 ц с га. Лучшие показатели

по урожайности за это время имела Удмуртия — ежегодно свыше 8 ц с га. Урожайность сказалась на валовых сборах, которые в Уральской области составили в 1931 г. лишь 40,6 % к 1927 г., а в Башкирии — 82,1 %. Если в Уральском регионе в течение 1929–1931 гг. происходил рост посевных площадей зернобобовых культур, то в 1932 г. по отношению к предыдущему году они сократились на 3,6 %, а в 1933 г. к 1932 г. — на 6,9 %. Лишь в Удмуртской автономной области в 1933 г. по сравнению с 1932 г. отмечено увеличение посевных площадей на 4,4 % [23, с. 127–129, 225, 249]. Особенно значимо кризис отразился на поголовье скота. Стадо лошадей в 1931 г. сократилось в Уральской области на 32,5 % по сравнению с 1927 г., в Башкирии — на 27,3 %. Уменьшение поголовья продолжалось более высокими темпами в последующие два года. Только в Удмуртии отмечался рост. Подобная тенденция наблюдалась и по крупному рогатому скоту [22, с. 138–140, 175–177]. Хотя показатели Удмуртии выглядели предпочтительнее, но и удмуртских крестьян коснулся кризис. Чтобы выжить в экстремальных природно-климатических условиях и в период форсированной коллективизации, сельчанам приходилось идти на нарушение закона. При этом большее наказание несли зажиточные, по тем меркам, бывшие кулаки.

На втором этапе с 1 января по 1 мая 1933 г. в РСФСР осудили по этому закону 81251 чел., в том числе приговорили к расстрелу — 5,1 %, к 10 годам заключения — 84,1 % и прочим наказаниям — 10,8 %. В феврале Наркомат юстиции РСФСР рекомендовал судам по мелким единичным кражам, совершённым трудящимися из нужды, или по неосознанности, применять ст. 162 УК РСФСР, как за обычную кражу. Не все суды оперативно отреагировали на новые указания. В этом случае приходилось вмешиваться кассационным инстанциям. Так, в Средневолжской коллегии краевого суда стали больше утверждать приговоров по ст. 162 УК. В то же время, как указывал председатель Верховного суда СССР, приговоры за мелкие хищения, перекавалифицированные по ст. 162 УК, не означали ослабления репрессий за другие случаи хищений общественной собственности. Классовый подход при вынесении приговора признавался правильным. Самые жестокие наказания должны были получать классовые враги и их пособники. В качестве неправильного применения ст. 51 назывался народный суд Баженовского района Уральской области, где 45,5 % приговоров было вынесено на основании этой статьи. Он же отметил, что лишь 43 % дел по данному закону здесь рассмотрели с выездом на место преступления [11, с. 136–138, 142, 145–146].

По данным И. Е. Зеленина, с августа 1932 г. по 15 февраля 1933 г. в стране было осуждено 103 тыс. чел., из них свыше 6 тыс. чел. (6,2 %) — к высшей мере. Каждый третий из всех осуждённых подвергся 10-летнему заключению. 62,4 % репрессированных являлись колхозниками, 9,4 % — рабочими совхозов и 5,8 % — единоличниками [8, с. 35]. Высокий удельный вес колхозников говорил не только о том, что они чаще, чем остальные, занимались хищениями, а об их большей доле в составе сельских жителей.

В феврале 1933 г. пленум Верховного суда СССР констатировал, что в борьбе с хищениями суды проделали большую работу. Однако органы юстиции считали, что почти половина арестованных была осуждена на сроки более низкие, чем требовал закон. Большой процент (63 %) осуждённых к прочим мерам социальной защиты (кроме расстрела и 10 лет лишения свободы) был вызван широким применением судами ст. 51 УК РСФСР. В то же время считалось, что «большой процент осуждённых к 10 годам единоличников и колхозников (67,9 %) указывает, что суды нанесли крепкий удар по мелкособственническим элементам, не изжившим частнособственнической психологии» [21, с. 712–715]. Требования высших судебных органов носили противоречивый характер. С одной стороны, необходимо было усиливать репрессии, а с другой стороны, смягчать наказания. В первую очередь самые тяжёлые наказания назначались социально вредным элементам.

По-прежнему большинство хищений было зафиксировано в колхозах. С 1 января 1933 г. по 15 июля 1933 г. 56,1 % получивших высшую меру наказания и 59,4 % приговорённых к 10 годам заключения совершали преступные действия именно здесь. Удельный вес кулаков среди приговорённых к расстрелу по сравнению с предыдущим периодом становится меньше (27,9 %), а должностных лиц — больше (24,8 %), середняков (8,1 %), колхозников (7,1 %), зажиточных (3,9 %), бедняков (2,4 %). Среди осуждённых к 10 годам лишения свободы доля колхозников возросла до 33,1 %, середняков уменьшилась до 16,1 %, должностных лиц равнялась 12,6 %, бедняков — 7,4 %, кулаков — 6,2 %, зажиточных — 4,2 %. В основном осуждённые похищали зерно и муку [11, с. 140–141]. Чтобы выжить в условиях голода, сельским жителям приходилось нарушать закон.

За 6 месяцев работы с законом от 7 августа 1932 г. суды Уральской области приговорили к смертной казни 763 чел. Коллегия Верховного суда СССР указывала, что местные суды во избежание упреков в мягкотелости просто тиражируют смертные приговоры по всякому пустяковому обвинению в краже [2, с. 76].

Органы юстиции контролировали ход реализации на местах закона от 7 августа 1932 г. В феврале 1933 г. Прокуратура РСФСР заслушала специальные доклады прокуроров Уральской области и Средневолжского края о борьбе с хищениями. Для Урала и Средней Волги были характерны те же недостатки, что и для всей страны: закон применялся в случаях несущественных хищений. Эти перегибы списывались на классово враждебных людей как внутри, так и вне аппаратов органов юстиции.

Очень часто материалы расследований из сельской местности органы милиции направляли в суд без просмотра прокурорами, обосновывая это быстрыми темпами расследования. Недочётом являлось и то, что суды не выносили определений для руководителей колхозов и других организаций. Как показали доклады Уральской и Средневолжской прокуратур, протесты на приговоры народных судов приносились недостаточно или вовсе отсутствовали. Встречи прокуроров с трудящимися позволяли выявить факты, которые влекли немедленное возбуждение уголовного преследования, но таких встреч проходило недостаточно. В Уральской области одного из районных прокуроров осудили к длительному сроку лишения свободы за бездействие по делам о хищениях. В другом случае сняли с работы и отдали под суд и районного прокурора, и народного судью [21, с. 729–733].

После указаний из Центра Уральский областной суд стал прекращать дела по незначительным хищениям: нескольких килограммов хлеба, двух горстей зерна, ведра картошки, нескольких килограммов хлебных отходов, случайного сбора падалицы и колосьев в незначительных размерах. Уральская областная прокуратура признавала, «что большое количество лиц, осуждённых к 10 годам лишения свободы, недостаточно обоснованно». Ознакомление с делами осуждённых в колониях показало, что 22 % из них совершили малозначительные преступления, и применение меры наказания — 10 лет лишения свободы — необходимо не вызывалось [4. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3830. Л. 14об, 16].

23 марта 1933 г. Прокурор РСФСР А. Я. Вышинский в докладной записке в Президиум ВЦИК сообщал, что по закону от 7 августа 1932 г. со времени его действия в РСФСР осудили 98,3 тыс. чел. По социальному признаку среди осуждённых кулаки составляли 7,5 %, торговцы — 1,2 %, должностные лица — 8,5 %, зажиточные — 5,4 %, середняки — 21,1 %, бедняки — 7,3 %, рабочие — 11,1 %, колхозники — 29,4 %. К высшей мере наказания были приговорены 4,2 тыс. чел. (4,3 % от всех репрессированных). Среди осуждённых кулаков к высшей мере наказания привлекли 18,3 %, а остальных — к 10 годам лишения свободы. Среди торговцев и других социально враждебных элементов приговорили к расстрелу 33,1 %, среди должностных лиц — 9,8 %, среди зажиточных — 4,7 %, среди середняков — 2 %, среди бедняков — 1,8 %, среди рабочих — 2,2 %, среди колхозников — 0,8 % [21, с. 729–730].

В марте 1933 г. Президиум ЦИК принял закрытое постановление «Об итогах применения закона от 7 августа 1932 г.». В постановлении отмечалось, что в судебной практике часто не разграничивались случаи крупных хищений от мелких краж [7, с. 118]. Недостатки в правоприменении приводили к тому, что Верховный суд РСФСР к марту 1933 г. переквалифицировал обвинения по данному закону в 6,9 % случаев. В делах, где квалификация преступлений осталась прежней, утвердили 60,2 % приговоров, изменили — 13,5 %, отменили — 24,1 %, прекратили — 2 %, приостановили — 0,2 % приговоров [21, с. 730].

За 9 месяцев применения данного закона в Башкирии был осуждён 5391 чел., из них 193 — к высшей мере [5, с. 134]. По данным А. А. Базарова, с августа 1932 г. по май 1933 г. Уральский облсуд осудил по закону от 7 августа 1932 г. 17,6 тыс. чел. [1, с. 295].

После выхода 8 мая 1933 г. инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочения производства арестов и разгрузке мест заключения» ситуация с применением закона от 7 августа коренным образом изменилась: сократилось количество осуждённых к расстрелу. С 1 мая по 1 июля 1933 г. по закону от 7 августа были осуждены 49619 чел., из которых приговорили к расстрелу 2,8 %, к 10 годам лишения свободы — 83,2 % и прочим наказаниям — 14 %.

В Башкирии в период с 1 января по 1 июня 1933 г. из 5376 осуждённых получили расстрел 184 чел. (3,4 %), 10 лет лишения свободы — 3677 (68,4 %). В Уральской области за это же время из 7551 осуждённых количество приговорённых к высшей мере возросло до 327 (4,3 %), и лишённых свободы на 10 лет — до 6200 (82,1 %). Показатели по Уральской области по ряду позиций в докладной записке не совпадали. В Удмуртской автономной области за январь — май осудили по закону от 7 ав-

густа 377 чел., из них приговорили к смертной казни 44 чел. (11,7 %), к 10 годам лишения свободы — 321 (85,2 %). По вынесенным смертным приговорам это был самый высокий показатель в Уральском регионе. На Средней Волге осудили по данному закону тогда 6138 чел., из которых 4 % приговорили к расстрелу, а 82 % — к 10 годам лишения свободы. Неточности в подсчёте обнаружены и по этим данным. В целом по РСФСР приговорили по данному закону 93,8 тыс. чел., из них к смертной казни — 5 %, к 10 годам заключения — 83,6 % [11, с. 143–144, 175–179]. Удельный вес осуждённых к расстрелу в Башкирии, Уральской области и на Средней Волге были ниже, чем по республике. Показатели Удмуртии, напротив, оказались значительно выше.

По сведениям М. Н. Денисевича, по этому закону с 7 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. в Уральской области привлекли к судебной ответственности 45,5 тыс. чел., из них 4,9 тыс. кулаков, 11,2 тыс. колхозников, 13,9 тыс. единоличников [6, с. 54]. Кассационная коллегия Уральского областного суда постоянно рассматривала жалобы на приговоры судов по этим делам. Если за сентябрь — декабрь 1932 г. кассационные жалобы поступили от 64 % заключённых, то за январь — май 1933 г. — от 69 %. Ещё больше жалоб было от осуждённых на 10 лет — 78,8 % и 74,8 % соответственно. В то же время Уральским областным судом были сняты с работы народные судьи Чунарев и Мачесова «как оппортунисты, проводившие на практике мягкую карательную политику по делам о хищениях собственности». Судью Зимина сняли с работы за оппортунистическое вынесение приговоров об охране социалистической собственности и нерешительную борьбу с кулачеством. Кассационная коллегия отменила, как мягкие, 1535 приговоров, вынесенных судами Уральской области. По сведениям Верховного суда РСФСР, из 321 чел., приговорённого к высшей мере в Уральской области с 7 августа 1932 г. по 15 мая 1933 г., расстрел заменили у 36,8 %, а в 1933 г. — у 10 %. Из всех 1091 осуждённых, дела которых рассмотрела кассационная коллегия Верховного суда, приговоры утвердили у 59,2 %, наказание было заменено и снижено — у 2 %, отменено — у 9,2 %, прекращено — у 2,5 %, приостановлено — у 0,9 %, переквалифицировано — у 8,3 %, переквалифицировано без применения меры социальной защиты — у 0,6 % [4. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3830. Л. 13]. Эти данные говорили сами за себя. Погоня правоохранительных органов за количеством осуждённых, чтобы не выглядеть отстающими, приводила к таким результатам.

По информации А. Я. Вышинского, к 1 июля Коллегия НКЮ РСФСР отменила от 50 до 60 % судебных приговоров по этому закону [7, с. 118]. В Верховном суде РСФСР с 7 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. были пересмотрены меры наказания по данному закону у 22,8 тыс. чел., в том числе 39,4 % по приговорам судов к расстрелу. Верховный суд утвердил 3399 приговоров (37,8 %) к высшей мере наказания. Больше всего дел рассмотрели в мае — июне 1933 г., поскольку в предыдущий период не успели изучить поступившие дела. В ускоренном порядке Верховный суд не без влияния майской инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР стал пересматривать дела. В этот период меньше утвердили приговоров к расстрелу (14,6 %). Как объяснялось в докладной записке, Верховный суд «начал сжимать применение высшей меры, не допуская её применения в таких широких размерах, как она принималась за предыдущее время» [11, с. 146]. В этих словах заложен смысл организации репрессий. Если руководству страны требовалось показать непримиримую борьбу с классовым врагом, то на судей оказывали давление по увеличению приговоров к высшей мере наказания. Когда видели, что здесь наметился перебор, то «сжимали применение высшей меры», и рекомендовали судьям обращаться к менее суровым статьям Уголовного кодекса.

Во втором полугодии 1933 г. выявлены следующие результаты реализации закона от 7 августа. В докладной записке ОГПУ в ЦК ВКП(б) сообщалось, что к началу 1934 г. органами ОГПУ по стране было осуждено по закону от 7 августа 1932 г. 250,5 тыс. чел., в том числе за 1933 г. — 153,8 тыс. В 1933 г. за хищения совхозного и колхозного имущества было привлечено 59,6 тыс. чел. Из 15,2 тыс. чел., осуждённых органами ОГПУ, приговорили к высшей мере 1,7 тыс. чел., 5–10 лет лагерей получили 7,5 тыс., ниже 5 лет — 5,9 тыс. чел. По социальному составу бывшие торговцы, спекулянты, кулаки составляли 4 тыс. осуждённых, служащие, единоличники, колхозники — 9,9 тыс. чел.

Инструкция от 8 мая 1933 г. сказала на правоприменении закона от 7 августа. В третьем квартале 1933 г. в РСФСР по сравнению с первым кварталом того же года численность осуждённых по этому закону снизилась с 52,6 тыс. до 25,5 тыс. и удельный вес среди всех осуждённых по другим статьям уменьшился с 18,4 % до 10,4 %. В августе 1933 г. Прокурор РСФСР А. Я. Вышинский обвинил работников правоохранительных органов в увлечении репрессиями, забывая про общественно-политический, воспитательный характер наказания. В 1935 г. уже, будучи Прокурором СССР, он го-

ворил, что в 1933 г. в применении этого закона были допущены серьёзные недостатки, требовавшие исправления [11, с. 147, 196, 203; 21, с. 74]. Наркомат юстиции признавал, что подключение к правоприменению внесудебных органов ОГПУ приводило к ошибкам [13, с. 448–449]. Так работала советская судебная система в 1930-е гг.

О качестве подготовки материалов к судебному разбирательству по этому закону говорят следующие факты, приведённые в постановлении Президиума Верховного суда по докладам председателя Марийского областного суда и заместителя председателя Удмуртского областного суда в ноябре 1933 г. Основной категорией осуждённых по закону 7 августа 1932 г. в Удмуртии являлись середняки, бедняки, колхозные работники и должностные лица. По этому закону в Удмуртии из 653 приговоров народных судов отменили и частично прекратили производство 203, отменили 325 и оставили в силе без изменений всего 125 приговоров (19,1 %). После утверждения Верховным судом РСФСР приговоры к расстрелу составили 4,2 % от всех приговоров, вынесенных народными судами Удмуртии [З. Ф. 324. Оп. 3. Д. 379. Л. 196–196об].

В то же время в постановлении совещания заместителей наркома юстиции РСФСР, как негативное явление, отмечено изменение 42 % приговоров народных судов Средневожского края в сторону смягчения [21, с. 196]. Количество репрессированных в Уральской области начинает снижаться. По данным М. А. Ивановой, если по закону от 7 августа 1932 г. в области за август — декабрь 1932 г. было осуждено 3277 чел., то в 1933 г. — свыше 2 тыс. чел. [9, с. 62].

Однако смертные приговоры приводятся в исполнение. В Башкирии за 1933 г. расстреляли 245 чел. [6, с. 53]. Верховный суд Башкирии в декабре 1933 г. отмечал, что по закону 7 августа 1932 г. часто осуждали людей за единичный случай срезывания колосьев хлеба. За одно и то же преступление наказание было различным. За кражу жеребца в 1933 г. в Мелеузовском районе Башкирии можно было получить 10 лет лишения свободы по закону от 7 августа 1932 г. или 5 лет по ст. 166 УК РСФСР [З. Ф. 324. Оп. 3. Д. 393. Л. 40].

Первые полтора года применения данного закона показали, насколько жестоко власть пыталась наказать за хищения социалистической собственности. Судебная практика свидетельствовала, что не только на начальном этапе, но и в дальнейшем, вплоть до июня 1947 г., продолжалось осуществление данного закона. Проведённый анализ демонстрировал карательный характер социалистических преобразований. Закон от 7 августа в голодный неурожайный год оставлял крестьян без возможности каким-либо, даже незаконным путём выжить. Оставив на произвол судьбы людей, власть сама способствовала такой ситуации, когда селянам приходилось идти на нарушение закона.

Как показало исследование этой проблемы, в Уральском регионе репрессии к сельским жителям свидетельствовали о тенденциозном рассмотрении дел. Указания Центра носили противоречивый характер. С одной стороны, требовалось не применять жёсткие наказания за малозначительные нарушения, с другой — осуждалась практика перекалфикации правонарушений на статьи с меньшими сроками наказания. В случаях, когда можно было обойтись более мягким наказанием, суды приговаривали к максимальным срокам или расстрелу. После пересмотра дел не все приговоры к расстрелу приводились в исполнение. Но сам факт вынесения такого наказания говорил о многом. Не всегда это диктовалось общественной опасностью преступления, а становилось актом психологического устрашения. К сожалению, для исследования оказалось недостаточно источников по результатам пересмотра дел, поэтому точно неизвестно, сколько человек было казнено и сколько отбывало наказание по данному закону. Отсутствие документов за определённые периоды не позволяет полностью провести сравнительный анализ показателей Уральского региона с другими регионами страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базаров А.* Дурелом или господа колхозники. Кн. 1. Курган: Зауралье, 1997. 416 с.
2. *Базаров А.* За горсть зерна — на плаху // *Родина*. 2001. № 9. С. 74–78.
3. Государственное казённое учреждение «Центральный исторический архив Республики Башкортостан» (ГКУ ЦИА РБ).
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
5. *Давлетшин Р. А.* «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: «Китап», 1993. 156 с.
6. *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.) Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. 196 с.
7. *Зеленин И. Е.* «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // *Вопр. истории*. 1998. № 1. С. 114–124.

8. Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопр. истории. 1994. № 10. С. 28–42.
9. Иванова М. А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь: Здравствуй, 1998. С. 47–67.
10. Иконников С. Н. Создание и деятельность объединённых органов ЦКК–РКИ в 1923–1934 гг. М.: Наука, 1971. 483 с.
11. История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. 726 с.
12. Коньшин А. Е. Социально-экономическая история развития Коми-Пермяцкой деревни в 1917–1940 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006. 52 с.
13. Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР–Смерш. 1939 — март 1946 г. / Архив Сталина. Документы высших органов государственной власти. М.: МФД: Материк, 2006. 640 с.
14. Матис А. В. Реализация постановления ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. на Урале: методика создания и использования базы данных: автореф. дис. ... канд. ист. наук, Тверь, 2000. 24 с.
15. Правда. 1932. 9 авг.
16. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1932. № 62. Ст. 360.
17. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3. Кн. 2. 840 с.
18. Советская юстиция. 1932. № 28. С. 3–11.
19. Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Партиздат, 1934. 884 с.
20. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М.: «АИРО–XX», 1995. 340 с.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти тт. Т. 3. (конец 1930–1933 г.). М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.
22. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
23. Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
24. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).
25. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР).

Поступила в редакцию 04.04.2018

Потёмкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
E-mail: v.philatov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова»
455000, Россия, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38

M.N. Potemkina, V.V. Filatov

APPLICATION OF THE LAW “ON PROTECTION OF THE PROPERTY OF STATE ENTERPRISES, COLLECTIONS AND COOPERATIONS AND STRENGTHENING OF PUBLIC (SOCIALIST) PROPERTY” IN THE URAL VILLAGE IN 1932-1933

The article analyzes the implementation in the Ural region of the decision of the CEC and SNK of the USSR of August 7, 1932, on the protection of public property. It reveals the results of the repressive policy of the government against the peasantry which was forced to break the law for the sake of survival in lean years and the transition to collective forms of management. An account is given of the methods of law enforcement agencies to implement the controversial decisions of the center, when, on the one hand, the activities of the courts to impose soft sentences and repression for minor theft were condemned and, on the other hand, an increase in sentences with capital punishment was required. Regular reviews of cases and their requalification showed a poor quality of law enforcement agencies in connection with the constant pressure of higher authorities. The repressions were primarily directed against the enemies of the Soviet power: the so-called kulaks and other socially hostile elements. At the same time, a large part of the repressed were the kolkhozniki and individual farmers.

Keywords: history of Stalinism, public property, Ural region, court, kolkhozniki, agriculture, repressions.

REFERENCES

1. *Bazarov A.* Durelom ili gospoda kolkhozniki [Durel or Gentlemen Farmers]. Kurgan, TRANS-Urals Publ., 1997, book 1, 416 p. (In Russian).
2. *Bazarov A.* Za gorst' zerna — Na plakhu [For a Handful of Grain — On the Block]. Rodina [Homeland], 2001, no. 9, pp. 74–78. (In Russian).
3. Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye “Tsentral’nyy istoricheskiy arkhiv Respubliki Bashkortostan” (GKU TSIA RB) [The State Institution “Central Historical Archives of the Republic of Bashkortostan” (SICHA RB)]. (In Russian).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region (SASR)]. (In Russian).
5. *Davletshin R. A.* “Velikiy perelom” i tragediya krest'yanstva Bashkortostana [“Great Fracture” and the Tragedy of the Peasantry of Bashkortostan]. Ufa, “Kitap” Publ., 1993, 156 p. (In Russian).
6. *Denisevich M. N.* Individual’nyye khozyaystva na Urale (1930–1985 gg.) [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Ekaterinburg, Ed. of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1991, 196 p. (In Russian).
7. *Zelenin I. E.* “Zakon o pyati koloskakh”: Razrabotka i osushchestvleniye [“The Law on Five Spikelets”: Development and Implementation]. Voprosy istorii [Questions of History], 1998, no. 1, pp. 114–124. (In Russian).
8. *Zelenin I. E.* “Revolyutsiya sverkhu”: Zaversheniye i tragicheskiye posledstviya [“Revolution from Above”: the End and Tragic Consequences]. Voprosy istorii [Questions of History], 1994, no. 10, pp. 28–42. (In Russian).
9. *Ivanova M. A.* Kollektivizatsiya v Prikam’ye.: Nasiliye bez granits. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy [Collectivization in the Kama Region: Violence Without Borders. Book of Memory of Victims of Political Repressions]. Perm, Zdravstvuj Publ., 1998, pp. 47–67. (In Russian).
10. *Ikonnikov S. N.* Sozdaniye i deyatel’nost’ ob’yedinennykh organov TSKK–RKI v 1923–1934 gg. [The Establishment and Activities of Joint Bodies Tskk-RKI in 1923–1934]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 483 p. (In Russian).
11. Istoriya stalinskogo GULAGa. T. 1. Massovyie repressii v SSSR [History of Stalin’s Gulag. Vol. 1. Mass Repressions in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 726 p. (In Russian).
12. *Konshin A. E.* Sotsial’no-ekonomicheskaya istoriya razvitiya Komi-Permyatskaya derevnya v 1917–1940 gg. [Socio-Economic History of the Komi-Permian Village Development in 1917–1940]. Autoref. dis. ... d-r istor. scienc-es’. Izhevsk, 2006, 52 p. (In Russian).
13. Lubyanka. Stalin i NKVD–NKGB–GUKR–Smersh. 1939 — mart 1946 g. / Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh orga-nov gosudarstvennoy vlasti [Lubyanka. Stalin and NKVD–NKGB–GUKR–SMERSH. 1939 — March 1946. Stalin’s Archive. Documents of the Highest Authorities]. Moscow, MFD: Mainland Publ., 2006, 640 p. (In Russian).
14. *Mathis A. V.* Realizatsiya postanovleniya TSIK i SNK SSSR “Ob okhrane imushchestva gosudarstvennykh pred-priyatiy, kolkhozov i kooperatsii i ukreplenii obshchestvennoy (sotsialisticheskoy) sobstvennosti” ot 7 avgusta 1932 g. na Urale: metodika sozdaniya i ispol’zovaniya bazy dannykh [Implementation of the Resolution of the CEC and SNK of the USSR “On Protection of Property of State Enterprises, Collective Farms and Cooperation and Strengthening of Public (Socialist) Property” of August 7, 1932 in the Urals: Methods of Creation and Use of the Database]. Tver, 2000, 24 p. (In Russian).
15. Pravda [Pravda]. 1932, Aug., 9.. (In Russian).
16. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy raboche-krest’yanskogo pravitel’sтва SSSR (SZ SSSR) [Collection of Laws and Orders of the Workers and Peasants Government of the USSR (CW USSR)], 1932, no. 62, art. 360. (In Russian).
17. Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet Countryside eyes VCHK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, vol. 3, book 2, 840 p. (In Russian).
18. Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice], 1932, no. 28, pp. 3–11. (In Russian).
19. Spravochnik partiynogo rabotnika. Vyp. 8 [The Handbook of the Party Worker. Issue 8]. Moscow, Partizdat Publ., 1934, 884 p. (In Russian).
20. Stalinskoye Politbyuro v 30-ye gody. Sbornik dokumentov. [Stalin’s Politburo in the 30s. Collection of Documents]. Moscow, “AIRO–XX” Publ., 1995, 340 p. (In Russian).
21. Tragediya sovetskoy derevni Kollektivizatsiya i raskulachivaniye 1927–1939 Dokumenty i materialy v 5-ti tt T. 3. (1930 Konets–1933 g.) [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials. Vol. 3. (1930–1933)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 1008 p. (In Russian).
22. *Filatov V. V.* Ural’skoye selo, 1927–1941 gg.: dinamika i tempy razvitiya zhivotnovodstva [Ural Village, 1927–1941: Dynamics and Rates of Development of Animal Husbandry]. Monograph, Magnitogorsk, “MGТУ” Publ., 2006, 264 p. (In Russian).
23. *Filatov V. V.* Ural’skoye selo, 1927–1941 gg.: dinamika i tempy razvitiya zemledeliya [Ural Village, 1927–1941: Dynamics and Rates of Development of Agriculture]. Monograph, Magnitogorsk, “MGТУ” Publ., 2006, 260 p. (In Russian).

24. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TSDOOSO) [Center of Documentation of Public Organizations of Sverdlovsk Region (CDPOSR)]. (In Russian).
25. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy respubliky (TSGA UR) [Central State Archive of the Udmurt Republic (CSA UR)]. (In Russian).

Received 04.04.2018

Potemkina M. N., Doctor of History, Professor, Head of the Department of World History

E-mail: mpotemkina@mail.ru

Filatov V. V., Doctor of History, Professor of the Department of World History

E-mail: v.philatov@mail.ru

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Lenina Avenue, 38, Magnitogorsk, Russia, 455000